

Перепечатка допускается безвозмездно (даром).

Подготовка файла и очерка о статье: Y.P. Leonet (Львёнок Яснополянский).

17 ноября 2016 г.

Л. Н. Толстой

CARTHAGO DELEND A EST [1896]

С каждым годом более и более учреждается обществ мира, чаще и чаще следуют один за другим конгрессы мира, на которых собираются лучшие люди Европы, обсуживая стоящий поперек дороги всякого движения человечества к осуществлению своих целей вопрос вооружения и приготовления к войне, произносятся речи, пишутся книги, статьи, брошюры, со всех сторон разъясняющие и освещающие этот вопрос. Нет уже теперь образованного и разумного человека, который бы не видел того ужасного, вопиющего зла, которое производят безумные приготовления к войне дружественно связанных между собой народов, не имеющих никаких причин для того, чтобы воевать друг с другом, и не думал бы о средствах уничтожения этого ужасного, безумного зла.

Все аргументы, начиная с Мольтке и кончая г-ном Вогюэ, которыми люди, отстаивающие старый порядок, хотели бы защищать войну, давно уже безнадежно опровергнуты; давно уже разъяснено и доказано, что война поддерживает в людях не высшие, а самые низшие, зверские чувства; что для разрешения столкновений, возникающих между цивилизованными государствами, могут быть учреждены международные судилища, а для защиты от воображаемого нападения варваров цивилизованным народам достаточно одной сотой тех войск, которые теперь содержатся государствами; несомненно доказано, что войны и

приготовления к ним производятся только теми властвующими людьми, которым выгодны войны, и что для всех народов они только пагубны и бессмысленны.

Но, удивительное дело, тут же рядом с этим сознанием бесполезности, преступности и бессмысленности войны между образованными народами, к которой они все усиленно готовятся, в последнее время с особенной самоуверенностью, если не сказать наглостью, проявляются среди военного сословия самые противоположные чувства этому сознанию и выражаются так, как 40, 50 лет тому назад они не смели выражаться.

Почти в одно и то же время в двух самых военных государствах — в Германии и в России — совершены офицерами возмутительные преступления: в Германии пьяный офицер убил беззащитного человека под предлогом оскорбления мундира. В России компания пьяных офицеров тоже под этим предлогом с помощью солдат, врываясь в дома, грабила и секла беззащитных жителей.

Убийство, совершенное немецким офицером, произошло при следующих обстоятельствах:

«11-го октября, вечером, в кафе-ресторане «Тангейзер», который был переполнен народом, сидели два молодых лейтенанта местного гренадерского полка фон-Брюзевиц и фон-Юнг-Штилинг. Около 12 часов ночи в залу вошли два штатских с двумя дамами и сели за столик около лейтенантов. Один из штатских, механик Зипман, задел своим стулом стул, на котором сидел лейтенант фон-Брюзевиц. Лейтенант счел себя оскорбленным и потребовал, чтобы Зипман перед ним извинился, на что тот возразил, что он и не думал

оскорблять лейтенанта. Тогда фон-Брюзевиц выхватил шпагу и хотел ударить ею Зипмана, но был остановлен хозяином ресторана и кельнером, что дало возможность Зипману скрыться.

— Теперь моей чести капут. Я должен подавать в отставку!— воскликнул лейтенант, выходя из кафе, но, узнав от полицейского, что господин, похожий на Зипмана, не выходил на улицу, снова вернулся в кафе, надеясь найти там своего обидчика и вернуть свою честь. Действительно, он увидел там Зипмана и бросился на него с обнаженной шпагой, несмотря на то, что безоружный механик, убегая от офицера, усиленно просил у него извинения.

Произошла отвратительная сцена: среди оцепеневших мужчин и кричавших в ужасе женщин храбрый лейтенант гонялся за убегавшим механиком и, наконец, нагнав его в углу двора, уложил на месте ударом шпаги. Опуская окровавленную шпагу в ножны, офицер с чувством удовлетворения произнес: «Ну, теперь моя честь спасена!»

Поступок русских офицеров еще отвратительнее: Пьянствующие офицеры вывели из терпенья толпу, над которой они издевались, и одного из этих пьяных офицеров прибили и сорвали с него погоны. Офицер собрал товарищей и солдат и с этой командой пошел по домам евреев, врываясь в них, грабя жителей и отыскивая несчастные погоны. Погоны найдены были на мельнице, и тут начались истязания хозяев мельницы, истязания, кончившиеся смертью, как говорят некоторые. То, что сущность дела такова, — в этом не может быть сомнения; подробности же могут быть неверны, и поправить их нельзя, потому что всё

это дело старательно было скрыто от всего русского общества. В газетах было только известие о том, что разжаловаются в солдаты неизвестно за что двенадцать офицеров.

Казалось бы, что поступки как немецкого, так и русских офицеров таковы, что правительства как того, так и другого народа должны бы принять все зависящие от них меры для того, чтобы поступить с этими одичавшими людьми так же, как оно поступает с гораздо менее развращенными и дикими уголовными преступниками, и позаботиться о том, чтобы искоренить тот дух, который воспитывает таких извергов. Ничуть не бывало. Как то, так и другое правительство, очевидно, сочувствует такому роду поступкам и поощряет их.

Вильгельм II — *qui laisse toujours passer l'occasion de se taire et ne laisse jamais passer l'occasion de dire une bêtise*,¹ сказал по случаю поступка убийцы Брюзевица, что если оскорблена честь мундира, то военный должен помнить, что оскорблен этим сам император, и они, офицеры, должны немедленно и основательно пустить в ход свое оружие.

Точно то же было и в России. Хотя при системе молчания и требовании всеобщего молчания о всем том, что важно и интересно обществу, мы не знаем, что именно было сказано властями по этому случаю, мы знаем, что сочувствие высших властей на стороне этих защитников мундира и что поэтому-то и не были судимы эти преступники, и наказание им назначено то, которое обыкновенно очень скоро прекращается прощением и возвращением прежнего звания. Мы знаем это еще и потому, что такие случаи, как случай

Брюзевица в Германии, за время царствования Александра III повторялись и в России несколько раз: было несколько убийств офицерами беззащитных граждан, и убийц не судили, или судили, ни к чему не присуживая. Мы знаем это еще и потому, что тот самый Александр III, которому присвоится почему-то эпитет миротворца и христианина, не только не воспрещал дуэлей, против которых боролись и борются все христианские императоры и короли, но прямо предписал их законом, для того чтобы поддержать в войсках пропадающий принцип чести военного звания.

50, 40 лет тому назад всего этого не могло быть: не было таких офицеров, которые бы убивали беззащитных людей за воображаемую честь мундира, и не было таких государей, которые одобряли бы убийство беззащитных граждан и узаконивали бы убийство на дуэли.

Случилось нечто подобное химическому разложению. Поваренная соль, пока она не разложена, не представляет ничего неприятного. Но, подвергшись разложению, она дает отвратительный удушливый газ хлор, который прежде, в соединении своем, был незаметен. То же сделалось в нашем обществе с военными людьми.

В прежнее время военный человек 30-х, 40-х, 50-х, даже 60-х годов, составляя нераздельную и необходимую часть тогдашнего общества, не представлял из себя не только ничего неприятного, но, как это было у нас, да и везде, я полагаю, представлял из себя, особенно в гвардии, цвет тогдашнего образованного сословия. Таковы были наши декабристы 20-х годов.²

Не то уже представляют теперешние военные. В обществе совершилось разделение: лучшие элементы выделились из военного сословия и избрали другие профессии; военное же сословие пополнялось всё худшим и худшим в нравственном отношении элементом и дошло до того отсталого, грубого и отвратительного сословия, в котором оно находится теперь. Так что на сколько более человечны, и разумны, и просвещенны стали взгляды на войну лучших не военных людей европейского общества [и] на все жизненные вопросы, на столько более грубы и нелепы стали взгляды военных людей нашего времени как на вопросы жизни, так и на свое дело и звание.

Оно и не могло быть иначе: военные люди за 30, 40 лет тому назад, никогда не слышавшие сомнения о достоинстве военного звания, наивно гордились им и могли быть добрыми, честными и, главное, вполне христиански просвещенными людьми, продолжая быть военными; теперь же это уже невозможно. Теперь для того, чтобы быть военным, человеку нужно быть или грубым, или непросвещенным в истинном смысле этого слова человеком, т. е. прямо не знать всего того, что сделано человеческой мыслью для того, чтобы разъяснить безумие, бесполезность и безнравственность войны и потому всякого участия в ней, или нечестным и грубым, т. е. притворяться, что не знаешь того, чего нельзя не знать, и, пользуясь авторитетом сильных мира сего и инерцией общественного мнения, продолжающего по старой привычке уважать военных, — делать вид, что веришь в высокое и важное значение военного звания.

Так оно и есть.

За 40 лет тому назад военные писатели, следя за всем тем, что делалось в Европе, писали о том, как уничтожить войну, или как по крайней мере сделать ее менее жестокой. Теперь же генерал, считающийся ученым и просвещенным военным, в ответ на статью об уничтожении войны, смело пишет:

«Вы усиливаетесь доказать, — пишет он, — будто протест против милитаризма мало-помалу доведет до полного устранения боевых столкновений; я же полагаю, что такое устранение немыслимо, ибо противоречит основному закону природы, которой равно дорого (и равно безразлично) разрушение, как и созидание; ведь ничего не разрушать и ничего не созидать — одно и то же. Что бы вы ни создали, вы неминуемо должны нечто и разрушать. Ах, господа, господа! Да неужели вам не приходит в голову, что превращение права «грубой» силы в силу «деликатного» права не уничтожает первого права, а только переводит его в скрытое состояние? Неужели вы не замечаете, что сила права была бы очень не сильна, если бы у него за спиною не стоял полицейский, а за полицейским — солдат, т. е. право силы? Что дает обязательную силу деликатным приговорам, вроде многих лет каторги, пусканья семьи по миру, для удовлетворения «законной» претензии какого-нибудь Шейлока? Должно быть, убеждение в праведности судьи, в нерушимости писанного закона, не правда ли?»

И, очевидно воображая, что он открыл новость о том, что право держится насилием, и этим доказал необходимость, войны, генерал этот спокойно проповедует то, что ему хочется и нужно, именно

зверство диких животных, которые зубами раздирают добычу.

«Редкость столкновений на холодном оружии, — говорит он, — доказывает ничтожество не его, а тех, кто неспособен сойтись на дистанцию штыка или шашки; с военной точки зрения проповедь о ничтожестве холодного оружия есть отрицание самоотвержения и оправдание самосохранения, т. е, попросту говоря: апофеоза трусости».3

30, 40, 50 лет тому назад такие статьи были невозможны. Еще менее возможны были такие руководства для солдат, сочинения того же автора, которые теперь распространяются между ними.

Во всех солдатских казармах для поучения тех миллионов людей, которые проходят солдатство, висит наставление под заглавием «памятка». В памятке этой сказано (она вся ужасна, но выписываю некоторые места):

«Сломится штык — бей прикладом; приклад отказался — бей кулаками; попортил кулаки — вцепись зубами. Только тот бьет, кто отчаянно, до смерти бьется.

Трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун. Храброго бог бережет.

Умирай за веру православную, за царя батюшку, за святую Русь. Церковь бога молит. Погубящий душу свою, обрящет ее». (Мало ему свое — он евангелием хочет подтвердить свое зверство.) «Кто остался жив, тому честь и слава».

И, наконец, заключение:

«Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву. Молись богу! От него победа? Чудо-богатыри! Бог вас водит, он вам генерал!»

И это кощунственное бешеное сочинение, которое мог произвести только мерзкий и пьяный человек, развешено во всех казармах, и все молодые [люди] во всей христианской России, поступавшие на службу, должны изучать это сочинение и верить ему.

30, 40, 50 лет тому назад ничего подобного не могло быть. Да, разложение вещества совершилось с одной стороны натром, с другой стороны — удушливым паром, который прежде не был замечен.

С одной стороны конгрессы мира, солидарность всех просвещенных людей мира, ненавидящих войну и ищущих средств предотвратить и уничтожить ее; с другой стороны убийства и истязания беззащитных людей за честь мундира, памятки и статьи храброго генерала, отечески внушающего необходимость и пользу пожирания друг друга.

Сопоставляя то и другое, мне вспоминается рассказ путешественника, присутствовавшего на празднестве дагомейцев, во время которого должны были быть убиты 300 пленных. Путешественник, стараясь говорить так, чтобы быть понятным, употребил все силы своего красноречия для того, чтобы внушить дагомейским вождям о том, что убийство противно их же верованиям, о власти душ умерших над живыми, о том, что это против их выгоды, так как они могли бы заставить этих диких работать или воевать, о том, что это невыгодно, так как вызывает врагов делать то же с их пленными.

Дагомейские вожди, опустив головы, украшенные перьями, с кольцами в носках, сидели молча, — как говорил путешественник, — передавая друг другу чашу с пьяным напитком. Но когда он кончил, они вскочили и, оскалив зубы, подали знак воинам к убийству, и началась резня. А вожди, кривляясь своими обнаженными коричневыми телами, плясали вокруг, издавая хриплые, нечленораздельные звуки.

Таковыми представляются ввиду сложной, умной, утонченной, гуманной работы, которая идет среди лучших представителей европейского общества по вопросу войны, те грубые речи в рейхстагах, статьи газет, речь Вильгельма и особенно эти самоуверенно отеческие наставления нашего генерала, товарища богу по генеральству.

Очевидно, разложение совершилось, и то, что оно совершилось и вонючий пар не дает дышать нам, уже есть важный шаг вперед. Вонючий газ должен быть уничтожен. Точно так же и военное сословие, выделившись из общей жизни, стало отвратительно и должно быть уничтожено.

Но как же уничтожить его?

Средство для этого есть только одно: общественное мнение, уяснение общественного мнения, значения и свойств военного сословия.

Люди эти, очевидно, составили вокруг себя удушливую, вонючую атмосферу, в которой живут и в которую не проникает тот свежий воздух, которым дышит уже большинство людей. Очевидно, люди не допускают до себя этот свежий воздух и, по мере распространения его, сгущают вокруг себя свою

вонючую атмосферу. До них никак не доберешься: вы будете, как тот путешественник, усиливать свои доводы, доводить их до последней степени ясности, и в ответ на это вы ничего не услышите, кроме нечленораздельных звуков пляшущего дикого, потрясающего своим томагавком: услышите призывы к убийству для чести мундира и отеческие увещания: «Ах, господа, господа!... не в этом дело, а надо выучиться грызть людей зубами» и т. п.

И что ужаснее всего, это то, что эти самые люди имеют власть... силу над другими людьми... Как же быть? Какое средство для того, чтоб уничтожить это? А средство есть только одно: уничтожение той атмосферы уважения, восхваления своего сословия, своего мундира, своих знамен и т. д., за которыми скрываются эти люди от действия истины.

О СТАТЬЕ И ЕЁ АКТУАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ

«Carthago delenda est» 1896 года – пожалуй, самая остро-цензурная и политически и социально-актуальная из цикла трёх одноимённых статей Льва Николаевича. Сведения о работе над нею Толстого – почти утрачены. Есть только одна запись в его Дневнике от 16 ноября 1896 г., относящаяся к этой работе: «3-го дня целое утро усердно писал опять о войне. Что-то выйдет?» (53, 118). Толстой не решился пытаться опубликовать статью и даже не кончил работы над нею. Черновик статьи и часть рукописей при невыясненных обстоятельствах пропали.

Несомненно то, что вторая «Carthago delenda est» Толстого была начата им в связи с чтением статьи генерала М. И. Драгомирова (автора также и той

воинственной «памятки» солдатам, на которую так же откликнулся Толстой), перепечатанной из журнала «Разведчик», в выдержках, в газете «Новое время», в № 7434 от 6 ноября 1896 г. В статье этой Драгомиров пытался доказать неизбежность и законность войн. Толстой цитирует отдельные места статьи Драгомирова, не называя его фамилии. Статья эта так возмутила Толстого, что он 13-15 ноября 1896 г. писал А. М. Кузминскому: «Что бы вы уговорили Драгомирова, чтобы он не писал таких гадких глупостей, и, главное, тон этот: «Ах, господа, господа» и т. д. Ужасно думать, что во власти этого пьяного идиота столько людей» (69, 206).

Драгомиров кощунствует и против разума человеческого, отказывая солдату в праве на поведение свободного и разумного от Бога существа, а не послушного военного раба, машины смерти, исполняющей команды манипуляторов. Кощунствует он и против самого Бога (даже во всех его «ипостасях», в которые верят поклонники церквей), называя Бога «генералом», то есть вожаком покорной солдатни. Эмоциональная, «бравая» ложь, цинично и нагло отрицающая евангельские истины!

«Бог ваш генерал» -- вещает солдатам в своей безумной «памятке» генерал Михайло Иваныч Драгомиров. И современные подпутинские шлюхи в рясах и казённо дипломированные интеллигенты, возвысившие нынче в герои российской истории обер-прокуратора Победоносцева, «святого» фанатика и обманщика людей Иоанна Кронштадтского, юдофоба и суевера Фёдора Достоевского, национал-публициста Меншикова или предтечу и идеолога неоимперцев Ивана Ильина – готовы его памятку признать и подписаться под его словами...

Нет! врёте, врёте, господа! Слово «генерал» этимологически восходит к латинскому *generalis* – «общий», «всеобщий», «главный», «стоящий над всеми», образованному, в свою очередь, от *genus* – «род», «родовой». То есть – не Бог это, а вожак вооружённых и с кем-то вечно воюющих родичей из одной пещеры, одного стойбища, одной первобытной стаи...

По толстовской концепции жизнепониманий, уже евреи и римляне возвысили своё понимание до предела совсем иного, высшего, жизнепонимания: единого (как единая россия, хе-хе...) «государства» с бессчётным числом таковых родственных кланов и общим для всех войском. В наше время, XX-XXI вв., наследники этого архаического жизнепонимания оперируют понятиями с размытой, лукавой семантикой – «единая нация», «германская нация», «советский народ», «российский народ»... всё на том же уровне понимания «единства», давно пережитого лучшими людьми человечества.

Но обретение веры Христовой, высшего, христианского, жизнепонимания – это ведь новое РОЖДЕНИЕ, «свыше»... И не только первобытные «РОДственники», но и «РОДное» государство с его фантазированием проплаченных интеллигентов о «всечеловеческом призвании» только обитающей на его территориях «нации», о «мировом влиянии» и пр. – исчезают для христианина. И тысяча дохлых Ванг со всеми церковными чудотворцами не воскресят в сознании человека того, что уже обличило для него всю свою опасность, ложность и просто ненужность для жизни человека -- не раба князей мира, а сознательного сына Бога, для Божьего замысла о мире и о нём...

Но не в щелкопёре Драгомирове дело и не против него одного суд Бога, Иисуса и Льва... Судя по уцелевшим обрывкам, статья Толстого была задумана в более широком плане. Исправляя статью, Толстой постепенно сокращал и изменял и её содержание. Первоначально статья начиналась с цитаты из речи французского писателя Фредерика Пасси «Вооружения будущего», произнесённой им в 1895 г. «в большом собрании» в Париже. Речь Пасси была горячим протестом против военщины. Толстой назвал её «прекрасной». Комментируя эту речь, он отмечал, что «лучшие люди европейского общества» уже понимают «всю преступность войны», но вместе с этим указывал и на то, что взгляды большинства военных людей стали «более грубы и нелепы».

Нецензурность и актуальность статьи в том, что она поднимает тему нравственной ДЕГРАДАЦИИ в среде военного сословия в государствах, балующихся (как Россия или Германия) идейками гонки вооружений, милитаризации, военной имперской мощи, великих побед и мирового влияния. Одно с другим тесно связано: военщина, как и полицейщина, чужая поддержку «верхов» и фактическую безнаказанность -- неизбежно ожесточается и наглеет.

Толстой приводит в пример пару из множества возможных примеров такой деградации морали и даже интеллекта в среде правительственных «силовиков»:

«Почти в одно и то же время в двух самых военных государствах — в Германии и в России — совершены офицерами возмутительные преступления: в Германии пьяный офицер убил беззащитного человека под предлогом оскорбления мундира. В России компания пьяных офицеров тоже под этим предлогом с помощью солдат, врываясь в дома, грабила и секла беззащитных жителей.

Убийство, совершенное немецким офицером, произошло при следующих обстоятельствах :

«11-го октября, вечером, в кафе-ресторане «Тангейзер», который был переполнен народом, сидели два молодых лейтенанта местного гренадёрского полка фон-Брюзевиц и фон-Юнг-Штиллинг. Около 12 часов ночи в залу вошли два штатских с двумя дамами и сели за столик около лейтенантов.

Один из штатских, механик Зипман, задел своим стулом стул, на котором сидел лейтенант фон-Брюзевиц. Лейтенант счёл себя оскорблённым и потребовал, чтобы Зипман перед ним извинился, на что тот возразил, что он и не думал оскорблять лейтенанта. Тогда фон-Брюзевиц выхватил шпагу и

хотел ударить ею Зипмана, но был остановлен хозяином ресторана и кельнером, что дало возможность Зипману скрыться.

— Теперь моей чести капут. Я должен подавать в отставку! — воскликнул лейтенант, выходя из кафе, но, узнав от полицейского, что господин, похожий на Зипмана, не выходил на улицу, снова вернулся в кафе, надеясь найти там своего обидчика и вернуть свою честь. Действительно, он увидел там Зипмана и бросился на него с обнаженной шпагой, несмотря на то, что безоружный механик, убегая от офицера, усиленно просил у него извинения.

Произошла отвратительная сцена: среди оцепеневших мужчин и кричавших в ужасе женщин храбрый лейтенант гонялся за убегающим механиком и, наконец, нагнав его в углу двора, уложил на месте ударом шпаги. Опуская окровавленную шпагу в ножны, офицер с чувством удовлетворения произнес: «Ну, теперь моя честь спасена!»

Поступок русских офицеров ещё отвратительнее: Пьянствующие офицеры вывели из терпенья толпу, над которой они издевались, и одного из этих пьяных офицеров прибили и сорвали с него погоны. Офицер собрал товарищей и солдат и с этой командой пошёл по домам евреев, врываясь в них, грабя жителей и отыскивая несчастные погоны. Погоны найдены были на мельнице, и тут начались истязания хозяев мельницы, истязания, кончившиеся смертью, как говорят некоторые. То, что сущность дела такова, — в этом не может быть сомнения; подробности же могут быть неверны, и поправить их нельзя, потому что всё это дело старательно было скрыто от всего русского общества. В газетах было только известие о том, что разжалуются в солдаты неизвестно за что двенадцать офицеров» (39, 217-218).

В советском толстоведении, всего-то лет 30-50 и более тому назад, очень любили вспоминать эту статью Толстого именно

в связи с этими, рассказанными в ней, историями. И совершенно не коробило авторов это сопоставление офицерства «милитаристской» Германии и России: ведь речь шла о ТОЙ России, «проклятого царизма», буржуазного милитаризма, царства военщины и полицейщины... а не о самом «мирном во всём мире» СССР.

Да, за последние полвека смыслы изменились и стали для нас даже злободневнее... Толстой особо подчёркивает, что правительства Германии и России оказались едины в своём желании замолчать, СКРЫТЬ и даже ОПРАВДАТЬ преступления своих служащих. Русское – просто воспользовалось невежеством, равнодушием, стадной быдлостью большинства обитателей своей гостерритории. В Германии же, где мог всё же возникнуть некоторый общественный резонанс, император Вильгельм, «который всегда пропускает случай смолчать и никогда не пропускает случая сказать глупость», оправдал своего верного свинтуса Брюзевица, что «если оскорблена честь мундира, то военный должен помнить, что оскорблён этим сам император, и они, офицеры, должны немедленно и основательно пустиль в ход своё оружие».

Что изменилось с той поры? Лишь то, что в путинской России, пропитанной ещё с середины XX столетия миазмами ГУЛАГа и криминальной среды, теперешний военный, полицейский чин, депутатик, чиновник или даже кто-то из их родственничков и знакомых, может смело и с уверенностью в безнаказанности украсть, прибить в драке, переехать насмерть автомобилем или иным способом убить человека – даже не за честь свою (которая для этих существ уже только пустое слово), а – «по понятиям» (впитанным их мозгами, может быть, ещё в детстве, в гоп-компаниях каких-нибудь ленинградских качалок и подворотен), спьяну или сдуру («тупо по ходу жизни», как один из них оправдывался)...

«Хотя при системе молчания и требовании всеобщего молчания о всём том, что важно и интересно обществу, мы не знаем, что именно было сказано властями по этому случаю, мы знаем, что сочувствие высших властей

на стороне этих защитников мундира и что поэтому-то и не были судимы эти преступники, и наказание им назначено то, которое обыкновенно очень скоро прекращается прощением и возвращением прежнего звания» (Там же. С. 218).

Да, это вроде не про нас Толстой пишет. Про XIX-й век... В нашей Раше – не только звания возвращают, но и повышают в оном...

Нравственный прогресс человечества для Толстого -- аксиома. Людям неизбежно или погибнуть, или прийти к высшему пониманию жизни, высшей этике, к истинно разумной, достойной человека, общей жизни.

И люди -- выбирают жизнь, даже не всегда и не все сознательно. Христиане – сознательно выбирают мирную, любовную, братскую жизнь и совершенствование во Христе.

При этом лучшие, передовые люди, а за ними -- по доверию к этим нравственным авторитетам -- и всё человечество, утверждаясь в новом религиозном понимании жизни, новых отношениях с другими людьми, с природой, с Богом -- уже не могут ни в обыденной, и в профессиональной своей жизни совершать некоторых поступков, исполнять некоторые социальные роли.

В частности, такие люди -- а их становится всё больше и больше -- не идут на службу в пресловутые «силовые структуры»: в полицию, в войско...

Вот почему в обществах, отсталых от всечеловеческого религиозно-нравственного прогресса, на государственной службе неизбежно, от поколения к поколению, будут оказываться:

а) наиболее наивные, поддающиеся правительственным обманам и приманкам, люди, и, **главное,**

б) наиболее жестокие, грубые, склонные к насилию, безнравственные люди.

Толстой констатирует, что в российском обществе, как и во всём медленно и неизбежно охристианивающемся мире, совершились процессы, подобные химической реакции разложения:

«В обществе совершилось разделение: лучшие элементы выделились из военного сословия и избрали другие профессии; военное же сословие пополнялось все худшим и худшим в нравственном отношении элементом и дошло до того отсталого, грубого и отвратительного сословия, в котором оно находится теперь. Так что на сколько более человечны, и разумны, и просвещённые стали взгляды на войну лучших не военных людей европейского общества и на все жизненные вопросы, на столько более грубы и нелепы стали взгляды военных людей нашего времени как на вопросы жизни, так и на своё дело и звание» (Там же. С. 218 - 219).

И снова – будто про нас сегодняшних писано:

«Теперь для того, чтобы быть военным, человеку нужно быть или грубым, или непросвещённым в истинном смысле этого слова человеком, т. е. прямо не знать всего того, что сделано человеческой мыслью для того, чтобы разъяснить безумие, бесполезность и безнравственность войны и потому всякого участия в ней, или нечестным и грубым, т. е. притворяться, что не знаешь того, чего нельзя не знать, и, пользуясь авторитетом сильных мира сего и инерцией общественного мнения, продолжающего по старой привычке уважать военных, — делать вид, что веришь в высокое и важное значение военного звания» (Там же. С. 219).

Единственное спасение для людей -- ненасильственное скорейшее разрушение этого сцепления лжи и зла: отказом от любой, даже словесной, поддержки его, от пользования правительственным насилием (не говоря уж о поступлении

на службу), от всяких оправданий существования всяких государств и правительств.

Если держится ещё этот Карфаген (и не одной военщины, которую бичует в статье Толстой, но всех ходячих мирских идолов, всех распорядителей ЧУЖИХ жизней и судеб.) – то только недоразумением обманутых с детства государственными и поповскими суевериями людей.

Надо помочь «химической реакции» в обществе:

«Вонючий газ должен быть уничтожен. Точно так же и военное сословие, в делившись из общей жизни, стало отвратительно и должно быть уничтожено. <...> Люди эти, очевидно, составили вокруг себя удушливую, вонючую атмосферу, в которой живут и в которую не проникает тот свежий воздух, которым дышит уже большинство людей. Очевидно, люди не допускают до себя этот свежий воздух и, по мере распространения его, сгущают вокруг себя свою вонючую атмосферу. До них никак не доберёшься... <...> И что ужаснее всего, это то, что эти самые люди имеют власть, силу над другими людьми... Как же быть? Какое средство для того, чтоб уничтожить это? А средство есть только одно: уничтожение той атмосферы уважения, восхваления своего сословия, своего мундира, своих знамён и т. д., за которыми скрываются эти люди от действия истины» (Там же. С. 221 - 222).

Всякие реформы, бунты или революции, всякие попытки внешней деструкции ветхого, отжитого устройства жизни – тщетны, пока не разрушена в головах, в массовом сознании оправдывающая и освящающая его существование идеологическая матрица. Наша брань должна быть не против плоти, а против лжей века сего: не традиционная, а идейная война против слуг сатаны, слуг зверя (низшего, атавистического, звериного в человеческой природе). Вот это главное, что завещает нам и уже нашему веку исповедник Христов, яснополянский и всерусский и всемирный старец Лев.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Carthago delenda est» (1896) исчисляется в 77 лл. разного формата. Рукописи сохранились в неполном виде и расположены хронологически под №№ 1—5. В переписке рукописей принимали участие: М. Л. и С. А. Толстые и М. А. Шмидт.

Рук. № 1 — часть копии с несохранившегося оригинала, без начала и конца; рук. № 2 — часть копии с заглавием: «Еще о войне». При переработке этой рукописи Толстой написал новое начало под заглавием: «Carthago delenda est»; рук. № 3 — полная копия с датой М. Л. Толстой: «14 ноября 1896 г. Ясная Поляна»; рук. № 4 — полная копия без поправок Толстого; рук. № 5 — полная копия с незначительными исправлениями Толстого.

В настоящем издании статья печатается по рук. № 5.
